

УЧЕНОГО КОТА ПОТОМКИ...

Сов. Россия. - 1992. - 12 июня.

Если приведет судьба в Москву, то вечером бросаю все и спешу к любимому своему поэту. А тут такая удача — оказалась в столице в день его рождения. В метро вижу людей с цветами и улыбаюсь им. И они мне улыбаются. Тут и без слов все ясно: «Вы к Пушкину? Я тоже...»

Помню, семь лет назад, в 1985-м в тот же день оказалась в Москве. Был тогда необычный холод — дождина, ну просто осенняя погода... Как я боялась, что будет нас у памятника мало! Шли к Пушкину с другом детства по пустой, словно вымершей, улице Горького, зонтик так и выворачивался от ветра. Но чем ближе к площади, тем чаще стали попадаться люди, многие с цветами, и отлегло от сердца — будут стихи!

Пушкинские чтения в центре города, под открытым небом! Какую удивительную традицию родил наш народ — и верилось тогда, безоглядно верилось: такому народу все по плечу! Тысячи людей собрались в тот промозглый белый вечер у памятника поэту — трудно было пробиться, чтобы положить цветы. Люди закрывали зонты, чтобы не мешать друг другу и не заслонять тех, кто читает стихи: без зонтов, под моросящим дождем стояли час и два, и три — до темна, а темнеет в это время поздно. Друг мой, теперь житель Барнаула, сказал, что такой накал чувств довелось ему ощутить только на горе Пикет, в день рождения Шукшина, нашего современника, еще вчера жившего среди нас. И тут, и там — истинная любовь, не показной, не разыгранный, а стихийный обряд — и слова-то другого не подберешь! — поклонения поэту, художнику. Это — как в церкви. Соборность! И счастлив тот, кто эту службу выстоял, кто внимал стихам, как молитве, и веровал, что великий поэт дается великому народу.

Прошло семь лет. И каких лет!.. Снова я иду к памятнику Пушкину. Иду по Тверской. Улицы Горького больше нет. Помню, накануне переименования я была в Москве. Подруга потащила меня в «Макдоналдс» — надо же вкусить иноземных яств! Стоять было скучно, холодно и, как бы это сказать... совестно, что ли, перед Пушкиным. Тогда я пробежалась вдоль очереди и задала примерно сорока людям один и тот же вопрос: «Как вы относитесь к переименованию улицы Горького? Ведь Горький — великий писатель, гордость России, настоящий самородок!» Половина ответила: «Нам все равно». А другая половина сказала: «Тверская — историческое название... Надо уважать историю». Но ни один из них не ответил на второй мой вопрос: «А в чем, собственно, историзм? Может, была какая-то великая победа под Тверью? Или дорога на Тверь вымощена русскими костями, как Владимирка?» И вот с молчаливого согласия москвичей улицу Горького переименовали! А так славно было, выходя из вагона метро, слышать: «Станция Горьковская. Переход на станцию Пушкинская и Чеховская...»

Подхожу к памятнику Пушкину. Сердце сжимается от неожиданной обиды — у памятника совсем немного народу. Человек пятьдесят, не больше. Ну суббота, ну погода хорошая, да ведь улица-то кипит! А к памятнику подходят немногие. Кладут цветы — спасибо, много цветов! — сирень, ландыши, ромашки, свои, не купленные, кладут и розы, и гвоздики — и, постояв минутку, бегут себе дальше. Ну дела у всех, ну жизнь трудная, но чтобы не постоять, не послушать — этого я не понимаю! Ведь читают же стихи, читают! Читают сразу на три стороны. А слушателей у каждого — от силы по двадцать человек.

Шестое июня... Прекрасный теплый вечер. Да ведь тут же тысячи стоять должны! Тысячи!..

Ну что ж... послушаем... Девочка лет пяти: «У лукоморья дуб зеленый...» Юноша в распахнутой рубашке: «О, Александр, ты был повеса, как я сегодня хулиган...» Аплодисменты, «Еще!» — кричат из толпы. Но тут, оказывается, целая очередь желающих. Казалось бы, места много, отойди на двадцать шагов и читай — слушатели найдутся. Но тут почему-то ждут очереди. Похоже, есть и «выпускающий» — верзила в теннисе. Он выпускает все народ солидный, не чета тому паренку с Есениным. Читают целые поэмы — «Домик в Коломне», «Бахчисарайский фонтан». Полностью. С толком, с чувством, с расстановкой. Заметна если не профессиональная подготовка, то по крайней мере самодельная выучка. А вот «Гусар». Тоже — маленькая поэма. Чтец профессионально подкручивает усы, изображая гусара. Сорвав аплодисменты, профессионально шутит: «Неизвестный Пушкин!» И опять поэма — «Гавриилиада»! С эстрадным шиком, со всеми этими ужимками и ухватками, которыми владеют масовики-затейники и «культурники».

Так вот почему люди не задерживаются — кладут цветы и уходят! Это уже не Пушкинские чтения. Это вездесущая эстрада. Тут не народное действо. Тут средней руки мероприятие, заранее подготовленное и очень четко продуманное. Ни одного страстного, до боли злободневного пушкинского стихотворения! «О чем шумите вы, народные витии?»... «Пока свободою горим, пока сердца для чести живы»... «Как ныне собирается вещий Олег»... Ни одного патристического слова, ни одной строфы во славу Родины! И это называется — читаем Пушкина?! За спиной у меня человек шуршит газетой. «Бонапарт и черногорцы...» Вот что надо читать! Спасибо, опубликовала «Советская Россия»! «Ну вот и прочитайте!» «Да неудобно — по газете... Они вон — на память шпарят!»

— Да, выучили и шпарят — «Гавриилиаду», «Гусара», «Домик в Коломне». А где же «Медный всадник»? Где, если на то пошло, «Полтава»?! Пытаюсь себя утешить: «Пушкин всегда Пушкин. Неважно, кто читает... Слушай, слушай!» Но эти округлые жесты, эти актерские улыбки, эти жестко расставленные акценты: «Даруй ты мне беспечность и смирение, даруй ты мне терпенье вновь и вновь!» Нет, очень важно, кто читает. «Это не Пушкин!» — раздается вдруг женский голос. «Как это не Пушкин?» — оборачиваются к ней. Женщина смущена: может быть, она хотела сказать, что Пушкин не писал «Гавриилиаду»? Или она тоже почувствовала фальшь всего происходящего? Из толпы выворачивается слишком хорошо знакомая фигура пропойцы: «Что, Пушкин те не нравятся?.. Русского поэта не хошь слушать?!» Женщина пятится. Но тут общее внимание переключается: свадьба, свадьба! Вслед за женихом и невестой — молоденькими, хорошенькими — тянется длинный хвост родственников и друзей. Они хотят сфотографироваться «на фоне Пушкина». Перед ними с готовностью расступаются. Они группируются вокруг молодой четы, строят улыбки, наконец, замирают — и птичка вылетает. Публика аплодирует. Невеста сияет.

Я ухожу без оглядки. Шестое июня. Девятый час вечера. Слева реклама кока-колы, справа реклама «Макдоналдса». А за спиной — памятник Пушкину и малая горсточка людей. Где же все те, с которыми семь лет назад я простояла тут, на святом месте долгий летний вечер? Может быть, они все умерли? Или уехали в другие страны? Или сажали картошку где-нибудь в Подмоскovie и отшучиваются: «А кто же сажать-то будет, Пушкин, что ли?»

И последний штрих. В подземном переходе девочка лет восьми продает серого котенка. На плакате крупными буквами написано: «Продается кот, потомок того самого кота ученого, который «все ходит по цепи кругом»...

Наталья Филиппова.

Калинин. рад.